

В.И. Козлов

Основные проблемы этнической экологии

Этническая экология — научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии с экологией человека. При этом практика здесь явно обогнала теорию. И хотя существуют уже десятки работ, в которых затрагивается этноэкологическая тематика, сам термин “этническая экология” еще не получил распространения. Добрая половина авторов таких работ, узнав, что они касаются этноэкологических вопросов, вероятно, удивилась бы не меньше, чем удивился один из героев Мольера, узнав, что говорит прозой. Это особенно относится к тем этнографам, которые слабо знакомы с биологическими науками и не вполне четко представляют, что стоит за термином “экология”, кроме участвовавших призывов к борьбе против загрязнения окружающей среды.

Данная статья — первая попытка рассмотрения проблем этнической экологии и не претендует ни на полный охват этих проблем, ни на завершенность всех выдвигаемых в ней положений. Представляется целесообразным начать с пояснения некоторых исходных понятий, связанных с экологией человека — тоже еще не вполне сформировавшейся комплексной дисциплиной.

Экология (от греч. *oikos* — жилище и *logos* — учение) — наука об условиях обитания того или иного биологического вида, о взаимодействии различных организмов между собой и с окружающей их неорганической природой, о структурах и функционировании надорганизменных систем. Таким образом, экология представляет собой науку, охватывающую все аспекты существования органического мира — от бактерии и вирусов до человека. Общепринятого членения такой широкой науки пока нет, но в последнее время ее часто подразделяют на аутоэкологию и синэкологию. Аутоэкология изучает взаимоотношения тех или иных конкретных биологических видов со средой обитания; основной таксономической единицей при этом обычно выступает популяция — группа особей одного вида, характеризующаяся общим генофондом и обитающая в определенном ареале почти независимо от других групп того же вида. Синэкология (или биоценология, биогеоценология) изучает сообщества растений и животных различных видов в том или ином ареале, их взаимоотношения со средой и друг с другом; в качестве основной таксономической единицы при этом выступают экосистемы.

Экология человека как особого социально-биологического существа, взаимодействующего со средой обитания в значительной степени за счет небиологической культурной адаптации и вместе с тем оказывающего сильнейшее воздействие на эту среду, обычно рассматривается отдельно от общей экологии в качестве самостоятельной комплексной научной дисциплины. Первые работы, посвященные экологии человека, появились в 1920-х годах, но активная разработка относящихся к ней проблем началась главным образом после второй мировой войны в связи со все усиливающимся неблагоприятным воздействием человека на природную среду, появлением симптомов глобального экологического кризиса, угрожающего самому существованию вида *Homo sapiens*. В СССР признание важности разработки этих вопросов нашло свое отражение в основных партийных и государственных решениях. В материалах XXV съезда КПСС было подчеркнуто значение обострившихся в последнее время

С. 3

экологических проблем и необходимость участия в их решении ученых различных специальностей. В новую Конституцию СССР (1977 г.) была включена специальная статья об основных принципах социалистического природопользования. На актуальность решения экологических проблем было вновь обращено внимание и на XXVI съезде КПСС.

О том, что содержание экологии человека как сравнительно молодой и многоаспектной научной дисциплины до сих пор еще не вполне определено, свидетельствуют, в частности, статьи по данному вопросу, опубликованные в последние годы (например, в журнале "Вопросы философии") [1]. Определились два основных подхода к этой дисциплине, находящейся на стыке естественных и общественных наук. Представители естественных наук склонны сужать рамки экологии человека, сводя ее задачи к некоторым частным проблемам. С.С. Шварц, например, пришел к выводу, что главная задача экологии человека состоит в том, чтобы "разработать генеральную схему процветающих биогеоценозов в урбанизированной среде" [2]; все другие проблемы, по его мнению, могут быть решены в рамках общей экологии. Представители общественных наук, напротив, сильно раздвигают рамки экологии человека. Особенно ярко такая тенденция проявилась у В.Д. Комарова, который пишет о "социальной экологии как об интегрирующей науке, изучающей законы взаимодействия природы и общества, принципы и методы оптимизации

этого взаимодействия” [3]. Следуя логике автора, в рамки социально-экологической науки следовало бы включить не только “экологическую технологию” и космонавтику, но также и ряд технических наук, возникновение и развитие которых отражало объективные потребности жизни общества в его взаимодействиях с природой. Не очень удачным выглядит, наконец, и термин “социальная экология”, так как социальное содержание заложено в самом понятии “человек” (а отсюда — и в термине “экология человека”); впрочем, многие виды животных также имеют различные формы “социальной”, как ее называют в биологии, организации. Главная особенность человека в этом отношении — уже упомянутое выше развитие средств внебиологической адаптации к окружающей среде, причем основным механизмом такой адаптации является культура — совокупность видов и результатов человеческой деятельности.

Определяя экологию человека как комплексную научную дисциплину, следует иметь в виду наличие в ней двух связанных частей: биологической и социально-культурной; без учета второй части она превращается в экологию одного из видов животных и растворяется в общей экологии, без учета первой — растворяется главным образом в культурологии и социологии. Существование экологии человека как особой дисциплины не подрывает относительной самостоятельности уже сформировавшихся наук, хотя осознание важности и актуальности многих ее проблем неизбежно приводит к своего рода экологизации многих из них, к распространению (до сих пор, к сожалению, недостаточно быстрому) экологического стиля мышления среди представителей самых разных наук: демографов и экономгеографов, градостроителей и технологов, историков и социологов. Особенно сильно экологизируются некоторые стыковые дисциплины, такие, например, как медицинская география, социальная гигиена и др. Вместе с тем, очевидно, будут формироваться и новые стыковые дисциплины, к числу которых относится возникающая на стыке с этнографией этническая экология.

Формирование этнической экологии обусловлено спецификой этносов как особых общностей людей, причем эта специфика проявляется в биологической и особенно в социально-культурной сфере. Начнем с того, что понятие “популяции”, имеющее столь важное значение в общей эко-

С. 4

логии, достаточно четко работает в экологии человека только применительно к са-

мым ранним этапам его исторического развития, когда природная среда нередко оказывала сильнейшее влияние на жизнь людей, и в частности во многом определяла расселение первобытных племен. Уместно отметить в этой связи в целом удачную попытку В.П. Алексеева связать для первобытной истории популяционное деление человечества с хозяйственной деятельностью людей в определенных природных условиях в общее понятие антропогеоценоза [4]. Со временем, когда область расселения человека охватила почти весь земной шар, включила ареалы с самыми различными природными условиями, характеристика условий окружающей среды для популяционного деления человечества стала отходить на задний план, ведущее значение для определения популяции приобрел признак общности генофонда, связанный с относительной эндогамностью тех или иных групп людей. Эндогамность же определяется главным образом социальными факторами и как таковая характерна в первую очередь для этнических общностей [5]. Что же касается социально-культурной сферы, то видное место в культуре как основном механизме внебиологической адаптации занимает этнически специфическая культура, присущая тому или иному этносу. Определяя место этноса в экологии, С.Н. Артановский пишет: “В отличие от экологии других живых существ в экологии человека основными единицами выступают не популяции, зависящие от условий местообитания, а этнические сообщества, взаимодействие которых с окружающей средой в ходе истории приобретает все более активный и выгодный для человека смысл” [6].

Идея С.Н. Артановского о том, что основными таксонами в экология человека являются этносы, представляется нам неточной, так как она по существу сводит экологию человека к этнической экологии. Крупные этносы, например русские или украинцы, как будет показано далее, вообще не подходят для роли экологических таксонов. Вместе с тем жителей равнины и горцев, кочевников сухих степей и приморских рыболовов, если они и не образуют отдельных этносов, можно рассматривать как экологические таксоны, жизнь которых во многом определяется условиями их местообитания. Отметим, что, придав этносам значение экологических единиц, зависящих от географической среды, легко впасть в биологизацию процессов этногенеза и всей этнической истории, как это произошло с Л.Н. Гумилевым [7]. Тем не менее значение этноса как объекта экологического исследования действительно велико.

Этносы (или народы), являющиеся основными объектами исследования этнографической науки, представляют собой одну из наиболее естественных и устойчивых форм социальной группировки людей. Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т.е. в определенных (хотя и не всегда однородных) природных усло-

виях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной степени изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности. Адаптация людей к среде обитания может отразиться в особенностях их материальной и духовной культуры, традиционного быта, психологических черт (обычно учитывающихся в определении самого понятия этноса), а также в их антропологических признаках и т. д.; изменение природных условий—в возникновении своеобразных культурных ландшафтов с антропогенными элементами (например, жилищами); то и другое определенным образом связывается с этносом, приобретает этнические черты. Устойчивость этносов, обеспечивающая длительность взаимодействия каждого из них с определенными природными условиями, достигается, с одной

С. 5

стороны, путем рождения новых поколений и создания для них необходимых средств жизни (с использованием традиционных систем жизнеобеспечения), с другой стороны, путем передачи новому поколению в процессе его социализации языка, культуры, этнических ориентации и т.п. Важным условием воспроизводства этносов является их уже отмеченная выше традиционная эндогамность, придающая небольшим этносам черты популяций. Короче говоря, в характеристику этноса как особой общности людей входит немало признаков и элементов, которые имеют экологический аспект.

Однако, отмечая те черты этнической общности, которые делают ее важным объектом экологии человека, необходимо сразу же сказать и о некоторых обстоятельствах, снижающих это ее значение. Природная среда, в которой живут этносы, может быть как сравнительно однородной, так и существенно неоднородной. Термин “сравнительно однородной” употреблен здесь потому, что полной однородности обычно не бывает; во многих случаях даже части небольших этносов живут в условиях, различающихся по характеру рельефа, гидрографии, растительности и другим элементам ландшафта, а также по особенностям микроклимата. Данные о том, где расположены конкретные поселения—на южном склоне холма или на северном (открытом холодным ветрам), вблизи леса и реки или в удалении от них и т.п., имеют, конечно, немаловажное экологическое значение. Что же касается крупных этносов, занимающих обширные территории с разнообразными климатическими и другими природными условиями, например уже упомянутых русских, украинцев или французов, то при экологическом анализе они распадаются на

ряд популяционных, культурно-бытовых и других внутриэтнических групп.

Научное оформление этнической экологии, как и экологии человека, задержалось по ряду причин, и прежде всего из-за происшедшего главным образом во второй половине XIX - начале XX в. отделения естественных наук от общественных. Некоторые негативные последствия имело, в частности, отделение этнографии от географии, с которой она в прошлом была слита в одну недифференцированную страно-народоведческую науку [8]. Эти последствия проявились в том, что из физической и даже из экономической географии стал исчезать человек, а из этнографии — природная среда. В середине XX в. связи между этими пауками стали восстанавливаться. В экономической географии выделилась особая дисциплина — география населения, на стыке которой с этнографией стала формироваться «этническая география» [9]; последняя занимается в основном проблемами расселения, однако многие ее наблюдения и выводы имеют и этноэкологическое значение. Восстановлению связей этнографии с географией в немалой степени способствовала и разработка концепции хозяйственно-культурных типов, под которыми понимаются исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне исторического развития [10].

Кроме возобновления связей этнографии с географией, немаловажное значение для становления этнической экологии имели давние и тесные связи этнографии с антропологией, относящейся к системе биологических наук. Значение этих связей повысилось в последнее время, когда антропологи стали уделять более пристальное внимание влиянию природной среды на изменение многих морфологических и физиологических признаков [11]. Правда, возникшая в рамках антропологии, на сты-

С. 6

ке ее с этнографией, пограничная дисциплина — этническая антропология — нацелена главным образом на решение этногенетических проблем, но в ней имеется и экологическое содержание, которое в будущем, вероятно, будет развиваться.

Третий, и довольно эффективный путь развития связей между этнографией и экологией человека шел через демографию, обычно включаемую в число экономических и шире — общественных наук, но по основному предмету своего исследования — естественному воспроизводству населения — тесно связанную и со сферой биологических наук.

Экология, как уже отмечалось в начале статьи, учитывает закономерности размножения организмов в определенных условиях окружающей среды, поэтому некоторые авторы, например уже названный выше В. Д. Комаров, считают возможным включить демографию в экологию человека. Уместно отметить, что обострение проблем экологии человека после Второй мировой войны, появление симптомов экологического кризиса было в немалой степени обусловлено усилившимся в этот период ростом численности населения, региональными и глобальными явлениями “демографического взрыва”. Давние и тесные связи этнографии с демографией, как и в случаях с географией и антропологией, выразились в формировании на их стыке смежной дисциплины — этнической демографии [12]. Изучение в рамках этой дисциплины многих факторов, влияющих на такой важный параметр воспроизводства населения, как рождаемость, и почти всех факторов, влияющих на заболеваемость и смертность, прежде всего факторов природной среды, непосредственно относится и к кругу исследований проблем экологии человека. Эта общая тематика этнической демографии и этнической экологии будет более детально рассмотрена далее.

Стимулирующее значение для становления этнической экологии у нас в стране имело участие этнографов вместе с демографами, антропологами, медиками и специалистами других наук в начавшейся с 1978 г. разработке советско-американской темы “Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей” [13]. Основная задача этнографов в этом исследовании заключалась в сборе и анализе материала для проверки некоторых гипотез долгожительства, названных “жилищно-бытовой”, “хозяйственно-трудовой”, “пищевой” и “геронтофильной”; они принимали также участие вместе с психологами в изучении этноспецифических стрессогенных ситуаций и традиционных способов адаптации к ним. В связи с этим этнографам пришлось перестраиваться таким образом, чтобы при изучении элементов традиционной материальной и духовной культуры в центре внимания оказывались не классификационные признаки этих элементов, а их влияние на здоровье и продолжительность жизни людей; пришлось непосредственно связывать свои выводы с результатами работы представителей естественных наук. Работа по данной теме еще продолжается, но уже в настоящее время по ней собран большой материал, значительная часть которого ждет своего анализа и теоретического обобщения именно в рамках этнической экологии.

Становление этнической экологии как особой научной дисциплины нашло свое отражение и в некоторых теоретико-методологических статьях. Важное место среди них занимает очерк Ю.В. Бромлея “Этнические аспекты экологии человечества” [14]. В этом

очерке, правда, еще нет термина “этническая экология”, но многие содержащиеся в нем положения — о специфике использования различными этносами природной среды, специфике их влияния на эту среду и др. — относятся непосредственно к этой дисциплине и будут применяться далее в данной статье. Немало этноэкологических по своей сущности положений содержится в

С. 7

статьях недавно вышедшего сборника “Общество и природа”; авторы вводной статьи М.П. Ким и Л.В. Давыдова отмечают, например, что важным аспектом исследования взаимодействия природы и общества является “раскрытие взаимосвязи социального и природного в сфере культуры, механизмы которой служат специфическим, сугубо человеческим способом адаптации к естественно-географической среде. Весьма актуальной и значимой в теоретическом и конкретно-историческом плане является проблема взаимосвязи этноса как социокультурного феномена и конкретной естественно-географической среды, изменение экологических функций этнических культур с древности до современности. Полезно проанализировать этнокультурные традиции прошлых исторических эпох как способа сохранения экологически значимого опыта” [15].

После всех этих необходимых предварительных замечаний целесообразно дать определение этнической экологии и перейти к конкретному рассмотрению ее основных задач и проблем. Этническая экология — научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнической антропологией и этнической демографией. Она ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем.

Уместно сразу же отметить различие выдвинутых здесь положений с основными посылками “культурной экологии”, которая разрабатывалась известным американским этнографом Дж. Стюардом с середины 1950-х годов, и возникшей на основе его идей неоэволюционистской школой “экологической антропологии”. В основе этих посылок ле-

жит признание определяющей якобы роли природной среды, к которой адаптируется культура тех или иных этнических групп и даже их социальная организация, а в конечном счете и признание того, что вся этническая история географически детерминирована [16].

Чтобы более полно раскрыть содержание этнической экологии, заметим, что жизнеобеспечение человека как социально-биологического существа означает удовлетворение его социальных и биологических потребностей. Эти потребности очень разнообразны, и общепринятой классификации их до сих пор нет. Одни авторы игнорируют, казалось бы, явно важные потребности, другие, напротив, представляют в качестве основных потребностей таксономически второстепенные. Демограф Л. Е. Дарский, например, выделяет в качестве “фундаментальных”, “универсальных” потребностей такие, как “материально-энергетические”, “информационно-исследовательские” и “социального взаимодействия”, заявляя, что особой потребности в детях не существует: детей рожают, “чтобы удовлетворить какие-то другие потребности” [17]. Последний тезис доказывается примером существования женщин, которые никогда не рожали, но сохранили физическое и психическое здоровье; однако аналогичным образом, ссылаясь на “пример” отшельников, можно опровергнуть ведь и потребность в “социальном взаимодействии”. Подобные примеры говорят о том, что личные потребности могут не совпадать с общественными: отдельные люди могут действительно обходиться без потомства, но без размножения людей общество перестало бы существовать. Этнограф и культуролог С. А. Арутюнов, с другой стороны, утверждает, что одной из важнейших потребностей является “завое-

С. 8

вание престижа”; без этой потребности якобы не может существовать общество, а “человек ... вообще не может быть человеком” [18]. Но ведь и это далеко не бесспорно; подобным образом можно утверждать, что человек не может быть человеком без потребности в любви, без потребности в сострадании и т. д. и т. п.

Полагаю, что мотивы деятельности, людей как социально-биологических существ, включая и не вполне осознанные, преследуют две основные цели: обеспечение личного самосохранения и обеспечение группового сохранения (в том числе сохранения этнических общностей); кроме того, существует множество частных мотивов, сводящихся главным образом к обеспечению преобладания чувства удовольствия над неудовольствием;

достижение таких целей, как правило, социально опосредовано. Хотя между выделенными группами мотивов трудно провести четкие границы, вместе с тем они достаточно самостоятельны, охватывают все потребности человека, включая такую, например, фундаментально-материальную, как потребность в пище, и такую не очень фундаментальную, как психическая потребность в престиже, и могут быть использованы для их классификации. Но эта задача — главным образом для психологов и социологов. В этнической экологии и вообще в экологии человека, видимо, более целесообразно учитывать две основные стороны жизнеобеспечения людей — физическую и психическую [19]. Грани между ними несколько условны, так как физическое нередко сочетается с психическим (например, в случае табуированной пищи); тем не менее для начального этапа анализа этноэкологических проблем такое подразделение целесообразно.

Жизнеобеспечение человека в физическом смысле определяется прежде всего его особенностями как биологического существа (вид *Homo sapiens*, отряд приматов, класс млекопитающих), возникшего первоначально, видимо, в зоне сухих субтропиков. Физическая адаптация человека к другим природным условиям по мере расширения ойкумены требовала длительного времени; она осуществлялась и закреплялась главным образом путем естественного отбора и в некоторых случаях требовала столь больших жизненных сил, что, вероятно, приводила к снижению средней продолжительности жизни людей. Сформировавшиеся новые физические черты или качества организма приобретали устойчивость, закреплялись генетически; переадаптация человека к другим условиям опять-таки требует длительного времени и нередко протекает болезненно. У эскимосов может наступить перегрев организма и солнечный удар при температуре, которая покажется жителям Южной Индии — тамилам вполне нормальной; в свою очередь тамил может получить тяжелое простудное заболевание там, где эскимос не будет иметь и насморка. У негров, завезенных из Африки в Северную Америку, и через несколько поколений характер заболеваний продолжает отличаться от заболеваний европейского по происхождению населения; в частности, те особенности дыхательных путей (например, широкие носовые отверстия), которые в жарком климате облегчали неграм терморегуляцию организма, в умеренном стали причиной более частых болезней органов дыхания [20].

Уместно подчеркнуть, что, хотя развитие производительных сил, в частности науки и техники, все больше освобождает человека от непосредственного влияния природной среды, в своей биологической основе человек почти не меняется, а его естественные адаптационные способности не беспредельны. Поэтому и теперь люди не могут длительное время существовать при постоянно минусовых температурах или, например, на высо-

те свыше 5 км, к которой они не могут адаптироваться из-за

С. 9

“горной болезни”. В настоящее время отдельные люди, например зимовщики в Антарктиде, могут временно жить в районах, где нет ничего живого, кроме морозостойчивых бактерий, но для независимого существования человеческих популяций в таких районах потребовалось бы почти столь же мощное техническое обеспечение, как и для существования их, скажем, на дне океанов или в космосе, т. е. изоляция их от среды.

В более или менее нормальных условиях обитания жизнеобеспечение людей в физическом смысле состоит в обеспечении их полноценной по своему составу пищей, а также в защите от неблагоприятных условий природной среды (одежда, жилище); то и другое достигается в процессе их трудовой деятельности и обычно относится к области “материальной культуры”. В эту группу, вероятно, следует включить и защиту от прямой угрозы жизни со стороны каких-то враждебных этнических групп (особенно в первобытности), а также кооперацию с дружественными группами, но эта сфера деятельности, очевидно, требует специального анализа.

При рассмотрении соотношения хозяйственной деятельности людей с природной средой привлекают внимание сильные адаптационные способности человека, обеспечиваемые развитием и дифференциацией его материальной культуры, чаще всего в ее этнических вариантах. Именно в результате этой внебиологической адаптации люди смогли приспособиться к самым разнообразным, в том числе и экстремальным, природным условиям. Одним из ярких примеров являются эскимосы, которые в отличие от кроманьонцев, обходившихся без особой одежды и жилища, одеваются в глухие меховые малицы, нередко зимуют в домах из снежных плит и питаются в основном мясом морских животных и рыбой. Впрочем в таких специфических условиях культурная адаптация, потребовавшая многих столетий, сочеталась и с биологической адаптацией, которая отразилась во внешнем облике (антропологических признаках) и в некоторых, частично уже отмеченных выше физиологических особенностях; уместно отметить также способность организма эскимосов усваивать мясную пищу без повышения содержания холестерина в крови и соответствующих сердечно-сосудистых заболеваний [21].

Связь тех или иных элементов материальной культуры с заболеваемостью иногда носит случайный характер (например, почти полное отсутствие одежды у ряда народов

тропиков избавляет их от платяных вшей — переносчиков сыпного тифа), но в подавляющем большинстве случаев эти элементы вполне определенно противостоят заболеваемости и смертности. Непродуманное нарушение каких-то элементов традиционной материальной культуры может привести к нарушению здоровья; так, распространение (отчасти под влиянием миссионеров) среди народов, живущих во влажном тропическом климате с частыми ливневыми дождями, европейской одежды привело к учащению среди них простудных заболеваний. Число подобных примеров можно было бы увеличить. Вместе с тем встречающиеся попытки идеализировать культурную адаптацию вряд ли оправданы. Трудно сказать, насколько совершенно приспосабливается организм человека к тем или иным природным условиям (вопрос этот разработан слабо), но культурная адаптация, особенно на начальных этапах развития производительных сил и человеческих знаний, при детальном анализе редко оказывается совершенной. Это проявляется как в неполном или нерациональном использовании всех возможностей жизнеобеспечения, предоставляемых природной средой, так и в неполной защите от неблагоприятных воздействий этой среды,

Неполная культурная адаптация часто объясняется просто недостаточными возможностями человеческих коллективов при данном уровне развития производительных сил. Нельзя, конечно, ожидать, например, чтобы малолюдные индейские племена бассейна Амазонки вырубали сельву под плантации бананов, а оленеводы-чукчи, страдавшие в прошлом от холода в своих легких чумах, сменили их на деревянные дома,

С. 10

более надежные, но менее транспортабельные в условиях кочевого быта. Нередко неполная адаптация объясняется тем, что этническая группа пришла в район с иными природными условиями сравнительно недавно и не имела времени для ее завершения. Культурно-бытовые традиции отличаются большой устойчивостью. Например, русские переселенцы из центральных лесных губерний в южные степи еще долго старались ставить бревенчатые избы, привозя лес за многие сотни верст, а абхазы, уже довольно давно распространившиеся из предгорий Западного Кавказа к Черноморскому побережью, так и не ввели в свою традиционную пищу рыбные блюда. Такими же причинами объясняется и приведенный Ю.В. Бромлеем пример этнической специализации хозяйства в Забайкалье, где русские поселенцы занимаются земледелием, а местные жители — буряты —

преимущественно скотоводством [22].

Часто бывают, наконец, и случаи, когда неполнота культурной адаптации объясняется этнорелигиозными табуированными установками, возникшими в прошлом по причинам, не вполне рациональным изначально или утратившим со временем свою рациональность. Этим объясняются, в частности, некоторые недостатки одежды или необходимых ее видов, например отсутствие особой зимней одежды у женщин некоторых коренных народов Северного Кавказа, исповедовавших ислам. Но особенно четко это проявляется в питании, сильно различающемся у отдельных народов по составу потребляемой пищи, способам ее приготовления и т. п. Показательно, например, что в Индии, имеющей самое большое в мире поголовье крупного рогатого скота, из-за религиозных запретов употребляет в пищу говядину лишь малая часть населения. Традиционная регламентация пищи только отчасти компенсируется физиологическим приспособлением к ней людей, нередко она имеет отрицательные последствия. Люди могут отвергать новые и лучшие продукты, предпочитая традиционную пищу, или использовать такие традиционные приемы ее приготовления, при которых утрачиваются ценные компоненты (например, витамины) и могут появляться вредные для организма вещества, в том числе канцерогенного типа.

Нерациональное отношение к природным ресурсам и продуктам трудовой деятельности людей, оборачивающееся непосредственно против их здоровья, проявляется в изготовлении и употреблении различного вида возбуждающих и опьяняющих средств: от слабых сортов табака до опиума и гашиша и от сравнительно слабого натурального вина и пива — до крепких спиртных напитков типа самогона, чачи и т. п. Особенности употребления таких средств, их половозрастная регламентация и т. п. часто обусловлены традициями, что позволяет ввести некоторые связанные с ними проблемы в круг проблем этнической экологии.

В связи с рассматриваемыми вопросами уместно сказать и об экологических аспектах так называемой народной (точнее, донаучной) медицины. Народная медицина дает разнообразные примеры удачного использования природной среды для укрепления здоровья и лечения многих болезней: естественные горячие грязевые ванны и минеральные источники, лекарства растительного и животного происхождения и т. п. Навыки народной медицины имеют этнический аспект; нередко, как отметил Ю.В. Бромлей, народы, находящиеся в сходных природных условиях или просто живущие по соседству, для лечения одинаковых болезней употребляют различные средства, в том числе различные лекарственные растения [23]. Немало рецептов и приемов народной медицины вошло в фонд научной медицины и с успехом применяется до сих пор. Однако для идеализации

народной медицины нет оснований. Возможности природной среды обычно использовались далеко не полностью. Гигиена у большинства народов мира в прошлом стояла в целом на невысоком уровне; последователи многих религий мало заботились о теле, считая его лишь временной оболочкой “бессмертной души”; обнажать его считалось греховным делом (особенно это относилось к жен-

С. 11

щинам), поэтому купались и загорали редко даже там, где это было возможно и нужно.

Существовали рациональные обычаи, способствовавшие сохранению здоровья (например, обычаи омовения мусульман и др.). Однако наряду с этим были широко распространены и суеверия, особенно в отношении внутренних, в том числе инфекционных, болезней, происхождение которых связывалось с внедрением в тело “злого духа”, с колдовством недругов и т. и. Некоторые “народные средства” не только не давали ощутимого результата в лечении болезней, против которых они были направлены, но вызывали и другие, не менее опасные болезни. Ограничиваясь одним примером, отметим, что среди корейцев в недавнем прошлом в качестве жаропонижающего средства применялись выжимки из сырых крабов, что вело к распространению легочных гельминтов-сосальщиков, которыми крабы были нередко заражены.

Многие болезни человека имеют ареальное распространение, т. е. поражают людей в пределах лишь тех или иных этнических территорий. Кроме того, существует немало болезней, которые связаны с особенностями хозяйственной деятельности людей и особенностями их материальной культуры. Рисоводы-яванцы, работающие на затопленных полях, удобряемых преимущественно фекалиями, по видам болезней отличаются от скотоводов-арабов, кочующих со стадами верблюдов по полупустыням Аравии, и от рыбаков Исландии. Этнические аспекты болезней определяются также существованием различных полезных или вредных для здоровья обычаев, связанных, например, с уже упомянутой регламентацией пищи, с уходом за младенцами и т. п. Многие возникающие при этом проблемы также входят в сферу исследований этнической экологии.

Выше речь шла главным образом о влиянии природной среды на человека и о его физической и этнокультурной адаптации к ней. Кратко остановимся теперь на этнических особенностях того влияния, которое оказывает человек на природу в ходе трудовой

деятельности. Об изменении в результате этой деятельности ландшафта и других компонентов природной среды написано уже немало работ [24]. В данном случае следует отметить, что антропогенная среда, обусловленная особенностями хозяйства и материальной культуры (поселения, жилища и т. п.), обычно настолько этнически специфична, что при одном взгляде на рисунок культурного ландшафта специалист нередко может сказать, кто живет в этой местности: рисоводы-яванцы или, например, хлопководы-египтяне. С развитием урбанизации такая этническая специфика, конечно, сильно уменьшается.

Отношение человека к природе не однозначно. С.А. Арутюнов справедливо отметил, что в традиционной культуре почти всех народов мира есть как экофильные, так и экофобные черты, с преобладанием вторых. Для родо-племенных групп охотников это показано им на примере эскимосов, которые стремятся получить максимум добычи за один раз путем по существу поголовного истребления попавшихся им морских животных, включая самок с детенышами [25]. Чаще всего, однако, экофобия не выступает в виде осознанных действий, внешне люди могут выражать даже любовь к природе, но результаты их действий идут ей во вред. Скотоводы стремятся умножать свои стада, не заботясь о том, что они могут погубить всю зелень (как это сделали козы на большей части Греции); земледельцы стремятся распахать все удобные земли, вырубая с этой целью леса, и т.д. Негативное воздействие человека на природу, резко обострившееся в эпоху капитализма, как уже отмечалось, в последнее время привлекает все большее внимание ученых самых разных специальностей и широкие круги общественности; авторы некоторых, главным образом научно-популярных работ выдвигают изучение связанных с этим воздействием региональных и глобальных проблем в число

С. 12

главных задач экологии человека. Уместно заметить, что такое неблагоприятное воздействие свидетельствует не о том, что человек в своем историческом развитии стал якобы более экофобным, а просто о том, что у многих народов мира прежние экофобные тенденции получили, так сказать, промышленно-техническую основу (во многом утратив традиционно-культурные черты), в результате чего каждая экологическая ошибка может приобрести и нередко приобретает угрожающие размеры.

Анализ факторов, порождающих экофобные и экофильные тенденции в традиционных культурах народов мира, изыскание путей устранения или уменьшения первых и

развития вторых, по мнению С.А. Арутюнова, целесообразно включить в число важнейших задач культурологии и этнографии; в данном случае имеется в виду, конечно, область этнографии, находящаяся на стыке с экологией человека, т. е. по существу этническая экология. Но эта задача касается уже не только “физической”, но и “психической” стороны жизнеобеспечения этнических групп. Выше вторая сторона затрагивалась лишь попутно, хотя вся деятельность человека, связанная с этнокультурной адаптацией, так или иначе преломляется в его психике, но теперь целесообразно остановиться на ней более подробно. Впрочем, тема эта, связанная с многими проблемами личной, социальной и медицинской психологии, обширна и сложна, в экологическом аспекте она почти не разработана, и поэтому приходится ограничиваться рассмотрением лишь некоторых ее аспектов.

Окружающая среда действует не только непосредственно на организм человека, но и на его психику, а также через психику на его физиологию. В случае неблагоприятного влияния это приводит не только к психическим, но и к так называемым психосоматическим болезням (язва желудка или кишечника, гипертония, инфаркт миокарда и пр.), которые могут иметь летальный исход. Направление и степень этого влияния определяются особенностями окружающей природной и социальной (в частности, этнической) среды, а также психическими особенностями людей, реагирующих на факторы окружающей среды.

К окружающей природной среде люди адаптируются не только в физическом, но и в психическом отношении. Несомненно, что если группа людей живет в одних и тех же условиях не одно столетие, то такая психическая адаптация не проходит бесследно; известно о существовании некоторой связи между психическим складом, темпераментом и природными условиями, хотя причинно-следственные закономерности здесь не всегда четко прослеживаются. В целом механизмы психической адаптации более гибки и действенны, чем физической, и такая адаптация идет быстрее, но и она требует длительного времени. Люди привыкают к определенному ландшафту, считают его “родным”. Человек, выросший в холмистой лесной полосе, чувствует себя неуютно при переселении на равнинную степь или морское побережье, даже если климатические условия их очень близки. Характерно, что русские переселенцы в степные районы старались посадить возле дома хотя бы одну березку или какое-то другое “родное” дерево, чтобы ослабить острое чувство ностальгии. Ландшафты этнических территорий являются неременным фоном народных сказаний, песен и других форм фольклора, а определяемая главным образом климатом цикличность сельского хозяйства связана с соответствующими обычаями, об-

рядами и праздниками, оказывающими сильное стимулирующее влияние на психику.

Фетишизировать духовную связь людей с природой, однако, не следует, так как она почти повсеместно сочетается с потребительским взглядом на ту же природу, опять-таки имеющим свои этнические особенности. На ранних ступенях исторического развития родо-племенные группы в борьбе за существование, особенно в экстремальных условиях, могли активно и вполне сознательно противопоставлять себя природе, что иногда приводило к появлению уже отмеченных выше экофобных тенденций. Стремление “не ждать милостей от природы”, а самыми различными и решительными способами брать их у нее, очень часто отчетливо проступало и на более высоких ступенях развития человечест-

С. 13

ва, когда люди все более чувствовали себя “хозяевами” природы. Лишь в последнее время, когда воздействие урбанизированной среды на психику стало заметно более неблагоприятным, а приятные для сердца природные уголки все более редкими, это стремление, да и то не везде, стало сменяться чувством тревоги и попытками заботиться о природе. Уместно отметить, что такое стремление к природе обусловлено не только эстетически, но и биологически; экологи уже давно установили неблагоприятное воздействие увеличения плотности особей того или иного вида на их жизнедеятельность, и человек в этом отношении не является исключением.

Этнопсихическая специфика поведения людей по отношению к природе обусловлена тем, что с ней взаимодействуют не одиночки типа Робинзона, а социальные группы, причем входящие в них люди подвергались с раннего детства определенному социально-культурному воспитанию. Социально-психически “оформлены” по существу все естественные потребности людей и способы их удовлетворения. Человек может чувством безразличия и негодования отвергать одну пищу и стремиться получить другую, как уже отмечалось, не из-за их питательности или вкуса, а в результате полученных этнокультурных установок. Еще в большей степени это относится к социальным по своей природе потребностям, видное место среди которых, кстати сказать, занимает потребность в социальном статусе, в утверждении себя как “личности”. Такая потребность часто проявляется в стремлении к какой-то власти или престижу, причем последний может достигаться и экологически нерациональными способами. “Вариабельность человеческой деятельности, — пишет по этому поводу С.А. Арутюнов, — создает бесконечное разнообразие

форм приобретения престижа через так называемый вейстинг (растранжиривание — В.К.)... И накопление ненужных вещей, и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием (“потлачи” первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика — все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен” [26]. Отыскание в этнокультурном многообразии человечества конструктивных форм престижности может стать одной из задач этнической экологии.

Главное содержание психической части систем жизнеобеспечения составляет взаимоотношение людей не с природной, а с социально-культурной, этнической средой. В психологическом отношении это касается условных рефлексов, объединяемых в первую и особенно во вторую сигнальные системы, связанных с реакциями человека не только на внешний реальный мир, но и на мир иллюзорный, обусловленный, например, религиозными представлениями. Относящиеся сюда явления весьма многочисленны и разнообразны, но механизмы, связывающие те или иные события и явления с психической реакцией на них, а психическую реакцию со здоровьем, довольно однотипны и в значительной степени отражены в понятии “стресс”. Стрессом называется особое напряженное состояние организма, возникшее “в результате внешнего отрицательного воздействия на его психические функции, нервные процессы или деятельность периферических органов” [27]. В отличие от эмоций, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, стресс — в приведенном понятии (иначе — “дистресс”) — явление негативное, оказывающее физиологически неблагоприятное воздействие на организм. Здесь имеется в виду сильный стресс, так как слабый стресс, по распространенному мнению, тонизирует жизнедеятельность.

Одним из главных, если не основным, источником стресса являются важные события жизни, наносящие психические травмы или просто вызывающие необходимость приспособления к новым условиям, т. е. психической переадаптации, например смерть супруга или супруги, развод, смерть близкого друга, заключение в тюрьму и т. п. Проведенные аме-

С. 14

риканскими учеными кросс-культурные (сравнительно-этнические) обследования

показали существенную этническую вариабельность таких стрессогенных факторов по их значимости; так, белые американцы США поставили “развод” на второе место (из 43 событий), а негры США—на 13-е; японцы поставили “заключение в тюрьму” на второе место, а мексиканцы—на 19-е и т.д. [28]. В ходе развернутой в СССР работы по комплексному исследованию этнических групп с повышенной долей долгожителей начато исследование стрессогенных факторов среди сельского, абхазского и азербайджанского населения, причем уже первые результаты также показали этническую вариабельность некоторых факторов; так, азербайджанцы по сравнению с абхазами придают меньшее значение “разводу”, большее значение “половым трудностям” и т. п.

Действию стрессогенных факторов противостоит система социально-культурных установок, определяющих (иногда в деталях) поведение человека в тех или иных случаях жизни. Абхазы, например, воспитываются в духе социальной дисциплины и самоконтроля и обычно чуть ли не с детства достаточно четко знают, что именно нужно делать в случае ссоры с близким другом или в какой-то другой ситуации; такой установленный этикет предохраняет от чрезмерного нервного напряжения. Важное антистрессовое воздействие оказывает вся система личностно-социальных связей, общение с близкими людьми, от которых человек ожидает и получает в необходимых случаях помощь и которым он отвечает тем же. Сравнительно хорошее здоровье сельских абхазских долгожителей, да и сам факт достижения ими преклонного возраста, вероятно, в немалой степени объясняются тем, что они и в старости сохраняют довольно плотную сеть семейно-родовых и соседских связей, причем занимают в ней важное место, пользуются подчеркнутым уважением со стороны окружающих. Среди этнических групп, где такие традиции ослаблены, старые люди нередко выключаются из социальной среды, чувствуют себя одинокими и ненужными; психическая адаптация к такой ситуации оказывается настолько трудной, что укорачивает срок их возможной дальнейшей жизни. Уместно отметить, что бытующие среди абхазов, грузин и многих других народов традиции проведения многолюдных свадеб и похорон, а также организация различных встреч и застолий по другим причинам не только связана с отмеченной выше потребностью в престижности, но и направлена на укрепление личностно-социальных связей. При свадьбе на первый план выступает необходимость установления крепких связей с новым кругом родственников, при похоронах — демонстрация единства в горе, что, кстати сказать, оказывает немаловажное антистрессовое воздействие на ближайших родственников умершего.

Непременным условием действия антистрессовых социально-культурных установок является, конечно, нахождение людей в соответствующей социально-культурной среде, в

родном этническом окружении, и, видимо, в этом кроется одна из основных причин стойкости этнических общностей. При перемещении в инородную среду необходима социально-психологическая переадаптация, которая, как показывают многочисленные примеры мигрантов, обычно протекает весьма болезненно. Поразительный случай, когда этнические связи жизненно важны, установлен у членов одного из центрально-африканских племен; отлучение от племени наносило столь сильный удар психике, что изгнанники через несколько дней погибали без каких бы то ни было следов внешнего насилия [29]. Впрочем, далеко не всегда благоприятно проходит и переадаптация внутри родных этносов, обусловленная сильными социально-экономическими, технико-культурными и другими изменениями жизни;

С. 15

нередко она принимает форму социальной дезадаптации, приводит к деперсонализации личности и иным негативным последствиям [30].

Причиной психогенных по своей природе нарушений здоровья, кроме трудностей адаптации к тем или иным резко изменившимся условиям жизни, могут быть различные неврозы, “срывы” высшей нервной деятельности в результате перенапряжения возбуждающих или тормозных процессов, а также различного вида внушений и самовнушений. То и другое должно привлекать внимание специалистов по этнической экологии, которые, обращаясь к столь разнообразным и сложным для анализа явлениям, кооперируются с психологами, а также с психиатрами и другими специалистами медицинского профиля. При этом этническая экология не вторгается в сферу этих дисциплин и обычно пользуется не их методикой, а главным образом их выводами, прилагая их к тем уже известным или выявляемым этническим особенностям отношения людей, которые могут оказать влияние на их здоровье, а также на вес воспроизводство этнических групп при данных условиях окружающей среды.

Последнее замечание относится и к большинству других случаев взаимодействия этнической экологии со смежными дисциплинами, выводами которых она пользуется. Более сложны отношения этнической экологии (и в целом экологии человека) с общей экологией, отдельные положения и выводы которой, видимо, не следует использовать в их исходном биологическом смысле, без учета социальной природы человека. Дополнительной разработки и уточнения применительно к этнической экологии, очевидно, тре-

бует понятие экологической ниши, экологической системы и др.; необходимо дополнить их социально-культурным содержанием, прежде всего путем сопряжения с ними концепции хозяйственно-культурных типов, подобно тому как это сделал В.П. Алексеев в упомянутом выше понятии антропогеоценоза. Очень сложным представляется вопрос об определении экологических границ, но и до его полного разрешения ясно, что во многих случаях границы экологических систем применительно к этносам могут быть установлены лишь условно. При этом нередко они будут разрезать этнические общности или объединять части этносов и целые этносы; первое касается и некоторых небольших этносов, например чукчей и коряков, в состав которых входят группы оленеводов тундры и группы прибрежных рыбаков и охотников на морского зверя, второе — даже некоторых крупных этносов, сильно смешанных в территориальном отношении, например мордвы, чувашей и русских в районе Среднего Поволжья. Сложность выделения экосистем (как и хозяйственно-культурных типов) сильно возрастает при переходе от народов, сохранивших традиционные формы жизни, к современным промышленно развитым урбанизированным обществам. Связанный с этим круг проблем этнической экологии требует специального рассмотрения.

С. 16

Примечания:

1. См. Шварц С.С. Проблемы экологии человека // Вопросы философии, 1974, №9; Адо А. Д. Экология человека и опосредование биологического социальным // Вопросы философии, 1977, №1; Герасимов И. П. Методологические проблемы экологизации современной науки человека // Вопросы философии, 1978, №11, и др.
2. Шварц С.С. Указ. раб., с. 110.
3. Комаров В.Д. Что такое социальная экология. Л.: Знание, 1978, с. 18, 19.
4. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, №7.
5. См. Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография, 1969, №6.
6. Артановский С.Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // Вопросы философии, 1975, №3.
7. См. Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории, 1974, №12.

8. См. Козлов В.И., Покшищевский В.В. Этнография и география // Сов. этнография, 1973, №1.
9. См. Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография, 1963, №1; см. также: Проблемы этнической географии и картографии. / Под ред. Брука С.И. М.: Наука, 1978.
10. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография, 1955, №4.
11. См. Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977.
12. См. Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977.
13. См. Козлов В.И. Долгожительство и долгожители // Природа, 1980, №7; Zubov A.A., Kozlov V.I. Поиски причин долгожительства // Наука и жизнь, 1981, №1.
14. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 285 и сл.
15. Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. / Ред. Ким М.П. М.: Наука, 1981, с. 16-17.
16. Подробнее см. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979, с. 231-253.
17. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Статистика, 1979, с. 89-92.
18. Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник Академии наук СССР, 1979, №12, с. 95.
19. Биолог Н.Ф. Реймерс в статье “Новая тенденция в развитии современной культуры” (Вестник АН СССР, 1979, №12) подразделяет биологические потребности людей на физиологические и психолого-средовые, но последние охватывают и многие социально-культурные факторы.
20. Henshen F. The History and Geography of Disease. N.Y., 1968, p. 16.
21. См. Козлов В.И. Этническая демография, разделы: “Биологические и географические факторы смертности”, “Культурно-бытовые особенности питания” и др.
22. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии, с. 250.
23. Там же, с. 253.
24. См. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977; Никитин Д.П.; Новиков Ю. В. Окружающая среда и человек. М.: Высшая школа, 1980, и др.
25. Арутюнов С.А. Указ. раб.
26. Арутюнов С.А. Указ. раб., с. 95.
27. Суворова В.В. Психофизиология стресса. М.: Медицина, 1975, с. 8.

28. Komaroff A.L., Masuda M., Holmes T.H. The social readjustment rating scale // Journal of Psychosomatic Research, 1968, v. 12.

29. Лакосина Н.Д., Ушаков Г.К. Учебное пособие по медицинской психологии. М.: Медицина, 1976, с. 61.

30. См. Петленко В.Я., Царегородцев Г.И., Сахно А.В. Проблема социально-биологической адаптации в медицине // Философские и социально-гигиенические аспекты охраны окружающей среды. М.: Медицина, 1976.